

Светлана Климова

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

А.Н. Алексеев выделил два ключевых, на мой взгляд, признака и условия появления публичной социологии: гражданственную ориентацию и нравственную мотивацию социальных исследователей. Он также обратил внимание на «романтический настрой» зачинателей советской социологии, выразив надежду, что этот настрой транслируется следующим поколениям социологов «через голову» нынешних социологов-прагматиков, работающих исключительно по заказам крупных политических и предпринимательских субъектов. Возможно ли появление российской публичной социологии? Я думаю, это будет возможно тогда, когда все общество начнет поворот к постматериалистическим ценностям, который, собственно, и обозначил подобный поворот в западноевропейской социологии 60-х годов. Наши коллеги – романтики 60-х – сформировались именно таковыми под влиянием общей атмосферы западноевропейской романтики хиппи и отечественной романтики оттепели. Здесь Е. Здравомыслова с одобрением процитировала Ю. Леваду, который советским социологам отвел роль советников при Чингисхане. Это было не совсем так и не для всех так. Будучи отчасти «советником», многие все-таки изменяли заказ Чингисхана в интересах общества. Скажу хотя бы о промышленной социологии, которая практически много сделала для работников предприятий.

Сейчас поворота социологов к общественно значимым проблемам не просматривается. Измученное десятилетиями товарного дефицита, российское общество с упоением потребляет, а чтобы потреблять, с энтузиазмом зарабатывает. То же делают и социологи. Естественно, что на всякие побочные акции типа этой дискуссии времени нет, потому что время – деньги. Поэтому я надеюсь, что А. Алексеев прав в своем прогнозе: на общественных дискуссиях будет время у поколения социологов – выходцев из ныне только формирующегося среднего класса. Кроме социального темперамента, для публичной социологии, обозначенной А. Алексеевым как стиль, а не как жанр, нужно еще несколько условий: публицистический и ораторский таланты, а также эрудиция – помощница в оперативных реакциях на выступления оппонентов. С последним у нас также плохо, потому что материалистические ценности ориентируют на получение дипломов, а не на многочасовые сидения в библиотеках, ибо кто будет зарабатывать на то, чтобы ты проводил время за чтением книг?

Публичная социология в нашей стране представлена, на мой взгляд, только одним краем – правым. Те самые идеологи «денежных мешков» на страницах газет и на экранах телевидения гораздо более активны, чем их оппоненты. В этом смысле российская социология идет наперекор мировой тенденции, которую обозначил М. Буравой: «социологи – влево, мир вправо». Последовательно левую позицию в сфере публичной социологии занимает, пожалуй, лишь Карин Клеман, которую, я надеюсь, мои коллеги не откажутся называть представительницей российской социологии, тем более что у нее есть для этого формальные основания: она в этом году стала членом РОС. А те публичные персоны от социологии и ее род-

ственницы политологии, которые появляются на экранах телевизоров, выглядят как циники, притворяющиеся фанатиками.

С. Ерофеев пишет, что сейчас социология существует «как фон», и предполагает, что этот фон может стать частью «переднего плана», инструментом политической аргументации и манипуляции. В этой функции социология политики уже давно существует. Может быть весьма увлекательным анализ того, как с помощью манипуляций при формулировке вопросов и передергиваний в интерпретации данных, можно выстраивать глобальные концепции российского общества. Материала для такого анализа предостаточно. Еще по одному пункту не соглашусь с С. Ерофеевым. Социология не станет частью переднего плана сама по себе. Для этого надо потрудиться. В частности, начать отвечать на вопросы, которые задает общество, а не заказчик с большим мешком денег, т.е. начать делать то, что М. Буравой назвал «делать группы». Поэтому, возражаю я С. Ерофееву, нужно не надеяться, а дело делать.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии

Никто из участников дискуссии не возразил против предложенной М. Буравым классификации. И правильно. Она имеет право на существование в контексте осмысления задач публичной социологии. Я бы хотела обратить внимание коллег на то, что в России публичная социология по отношению к прикладной отсутствует так же, как и критическая по отношению к профессиональной. Когда мы читали рецензии, написанные не по просьбе автора рецензируемой книги? Каков статус и профессиональные стандарты рецензии как продукта научных изысканий? На этот вопрос мы не отвечаем, потому что мы его не поставили. А это значит, что в профессиональном сообществе нет диалога. А ведь нам друг с другом разговаривать легче, чем с обществом. Во всяком случае, научиться легче. Рецензия или научная дискуссия могли бы быть, как мне кажется, «эскалатором» для публичного обсуждения социальных проблем.

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Я согласна с К. Клеман в том, что придать публичность можно всему, что социология изучает. И возражу С. Ерофееву в том, что социология будет публичной, когда социологов будут приглашать в телевизор. Некоторых из них и сейчас приглашают. Послушаешь, и думаешь, лучше бы не приглашали. Последний пример – руководитель ВЦИОМа Федоров рассуждает у Соловьева о ценностях в русле тысячу раз раскритикованной иерархической концепции (по-моему, это было в воскресенье, 16.01.2008). Соловьев говорит, что люди говорят то, что от них хотят услышать. Социолог отвечает, мол, да, такие они придурки. Рассуждения о комплексах ценностей; о том, что общество неоднородно и субкультурные группы имеют свои ценностные комплексы; что ценности имеют нормативную природу, – он не высказывает. Я думаю, потому что он, т.е. Федоров, этого не знает, а не потому что это сложно для обывателя, и он не хочет занудствовать. Если бы знал,

изложил бы коротко и понятно. Но проблема социологического языка для публики действительно существует. Образцов, к сожалению не много. Одним из них я считаю публичную лекцию В. Ядова, опубликованную на сайте polit.ru. Этот же сайт публикует и публичные лекции других известных социологов. Кстати, поводом для выступления В. Ядова как раз послужила значимая для российских социологов проблема – акции протеста студентов социологического факультета МГУ.

Мне также понравилось соображение П. Романова и Е. Ярской-Смирновой о том, что социолог должен быть голосом безгласных, а также С. Рыкуна, К. Южанинова о том, что нужно навести порядок в собственном доме (в голове), прежде чем учить других, как им следует жить. А это опять же значит, что нужно развивать коммуникацию в сообществе, чем мы сейчас, собственно, и занимаемся.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима?

Тем, действительно, столько же, сколько социальных проблем, т.е. огромное множество. Актуализировать их для публики, включить в общественный дискурс – этого мало хотеть, нужно еще иметь и талант публициста. С этим у нас туго. Кроме того, нужно уметь говорить о ценностях, а не о наблюдениях. То есть я согласна с теми, кто считает, что следует артикулировать ценностную ангажированность своего выступления, заявить, что я сейчас не в роли-эксперта, а в роли гражданина. В этом случае, как мне кажется, можно избежать упреков в попытках использовать свой статус «эксперта по обществу» для манипулирования общественным сознанием.

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Я согласна с К. Клеман в том, что нужно четко определять для публики роль гражданина и роль эксперта. В роли экспертов мы опосредованно влияем на решения, принимаемые теми или иными акторами (например, директором завода, когда делимся с ним соображения о мотивации работников). Влияние в роли граждан ограничено собственными талантами и доступностью СМИ, хотя последнее в эпоху Интернета – в меньшей степени.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)?

Боюсь, что социология, только начав поворачиваться к публике вполоборота, уже разворачивается обратно из-за отсутствия сильных политических игроков, отстаивающих разные сценарии развития общества. Сможет ли социологическое сообщество само инициировать общественные дискуссии? Теоретически да, а практически – вряд ли в свете всего вышесказанного. Говоря словами В. Высоцкого, «настоящих буйных мало».

Елена Омельченко

Сегодня принято ругать социологию. Это стало хорошим тоном. Критический фокус считается признаком включенности. Совсем недавно приняла участие в очередном профессиональном разговоре о судьбах социологического образования в России. Выводы экспертов неутешительны. Были названы ограниченные очаги настоящей науки и профессии. В основном они располагаются в Москве и Питере, и только в негосударственных университетах и независимых центрах. Отчасти это правда, но только отчасти. Не понимаю, почему о кризисе отечественной социологии нужно судить исключительно по малому количеству публикаций в западных журналах? Еще не понимаю, почему стало общим местом ругать все социологические факультеты госуниверситетов, вслед шумной, хотя и пошедшей на убыль, общественной дискуссии вокруг соцфака МГУ? Не понимаю, сколько можно консерватизм, царящий в преподавании дисциплин на кафедрах социологии, относить к наследию научного коммунизма, когда во главе многих из них стоят представители перестроечного поколения? Почему не поговорить о нас самих? Подчас неясно – кого мы собственно критикуем, не правильной ли, не легче ли говорить о себе и ответить себе на вопросы – зачем я этим занимаюсь? Честно говоря – нас очень мало, но и между нами нет согласия и поддержки...

Мне хватило сил ответить только на два поставленных вопроса, но контекстуально – практически на все.

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

На мой взгляд, это слишком прямая и жесткая формулировка вопроса по отношению к столь дифференцированной и разнокачественной сфере, как отечественная социология. Дело даже не в том, что «их» – социологий – много, а в целом ряде других, не менее важных «предвопросов». Без их учета невозможно, на мой взгляд, говорить о социологии «вообще». Для одних – это работа, для других – стиль жизни. Могут предположить, что американский и европейский контекст разнообразия социологического этоса более определен и закреплён «именами», принимаемыми большинством социологов и общественностью. Однако и «там, у них» позиция социологов не менее проблематична, а вопрос общественной пользы или бесполезности профессии столь же актуален.

Какие же это предвопросы? Например, *кто*, с какой целью и кому задает этот вопрос? Это же всегда самое важное. Очевидно, что передовая (продвинутая) часть социологического сообщества начала активно конструировать и публично артикулировать проблему «социологии в России». Яркое и шумное выступление студентов соцфака МГУ и его поддержка со стороны ведущих и реально авторитетных ученых и исследователей – самое значимое событие, ознаменовавшее начало публичного говорения и